

ЛИНА КИРИЛЛОВЫХ

Прямые зеркала

Лина Кирилловых

Прямые зеркала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43620003

ISBN 9785005026149

Аннотация

Мутные, грязные, даже разбитые – они отражают всё с крайне безжалостной точностью. Главное, не перепутать, где своё лицо, а где – чужое.

Прямые зеркала

Лина Кирилловых

© Лина Кирилловых, 2019

ISBN 978-5-0050-2614-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero 1.

Густые папоротники дыбились. Сырой и гулкий лес заваливал путь буреломом: торчащие корни, стволы мёртвых деревьев и мох, мокрый тухлявый запах гниения. Вода в бочагах была гадкая – жирно блестящая, чёрная, смрадная. «Это она, – ноздри жадно и восторженно впитывали. – Кривая земля. Перекорёженная». Колени немного дрожали. Не было трусостью развернуться сейчас и уйти, но довольное чувство – немое хвастовство в пространство, гордость – плескалось у сердца огненно. Он сам дошёл, найдя брод через реку, сам выдержал пугливый быстрый бег: заприметь его какой-нибудь охотник, непременно бы наказал со всей строгостью. Охотники не ходили сюда – что говорить про детей.

Он теперь круче, чем Рыжий.

«Скажи мне, лялечка, – щербатая ухмылка открывала потерянный зуб. – Скажи, когда перестанешь делать в штаны

от кошачьего чиха, и тогда, возможно, я возьму тебя ловить с нами рыбу». Несправедливо, обидно: штаны всегда были сухими. Но не было нашейного мешочка с веселящими листьями и хоть какого-нибудь ножа, чтобы чистить ногти, как старшие – а ещё двух-трех лет, чтобы самому старшим быть. Зато был лес. Росший на кривой земле, где шептался туман. И призраки.

Он осмотрелся.

Поверх чахлах болезненных сосен висела молочная дымка. Она оседала на серых колючках иголок, и капли, падающие на нос и за шиворот, жгли неприятным холодом. Мох пружинил и иногда предупреждающе чавкал. Завалы возникали хаотично. В них ещё не просматривался отпечаток великой страшной мощи, вздыбившей землю когда-то, но уже дышала древесным разложением смерть. Смерть обещал весь лес. Главный герой тех историй, которыми старики пугают своих внуков: мрак и живущие в нём существа. Ужасный по полуночным рассказам, грозный и величественный, лес оказался лишь на четверть таким. И хорошо: иначе была бы та трусость.

Лес до сих пор болел. Он шёл рваными пятнами мерзкой парши, которая глодала стволы и корявые ветви, проплешинами, где не росло ни травинки, пузырями-нарывами несъедобных грибов и поникшими листьями. Птиц здесь не обитало. Зверей, наверное, тоже. И человеку было делать нечего. Глупому, уязвимому, слабому.

Особенно, если он – ребёнок.

Громко хрустнуло, падая, дерево. Переломилось пополам и взрыло мёртвыми ветвями воду бочага. Переломилось от сырости, гнили, оттого, что болезнь вышла из кривой земли и поразила его сердцевину, переломилось, потому что его время пришло, и напугало. Грудь под самым горлом сжало. Но из тумана не явилось костлявой лапы с когтями: потревоженная вода успокаивалась. Расщеплённый ствол был изнутри коричневым. Оказалось возможным, немного придя в себя, подойти ближе и потрогать: рыхлая скользкая масса сминалась под пальцами, сама являясь уязвимой беззащитностью. Призраки? Как бы не так. Только природа, калечная и пугающая своим умиранием, только, конечно, обросшая из-за этого ужасами чаща. Старики – болтуны. Вруны. Они всё, разумеется, знают.

Дальше почва становилась бугристой. Она поднималась холмом среди завалов и опадала в овраги, где из-под мрачной воды торчали всё те же останки деревьев. Почву подняло давно и расплескало, и идти было трудно. Низкие колючие кустарники обвивали щиколотки, пачкая ботинки разводами, похожими на улиточный след. Туман спустился. Он ощущался вязким, имеющим плотность и вес, скрадывал согнувшиеся сосны и оставлял на языке после вдохов привкус кислоты. Дышать туманом могло быть вредно. Руки натянули на нос воротник рубашки, и наивный жест принёс уверенность. Бурелом чернел, и не от сырости: подстилка леса

здесь кусками сгорела. Куски расползались, сливаясь, и скоро захватили всю землю – сплошное пепелище, которое выжег какой-то очень сильный огонь, раз ничего не выросло после него, даже травинка. В конце концов вокруг и впереди не осталось ни одного прямо стоящего дерева. Все повалились. Обуглились.

Торчали лишь пни.

Кривая земля утомила: затянутая слоем тумана, она была унылым и необитаемым местом, которое растеряло таинственность. Ноги устали карабкаться и перелезать. Незванный гость остановился и повертел головой, оценивая завалы. Сгодится ли горелая ветка как доказательство, что он правда здесь был?

– Ну, привет, призраки.

– Я не призрак, – сказала земля под ногами. – Привет.

Он услышал свой крик – безумный вопль куницы, и в следующий миг обнаружил, что забрался, похоже, единым скачком на груды влажных пачкающих брёвен. Прижался к ним и затрясся.

– Не бойся. Эй! Слышишь? Куда ты делся? – и голос хихикнул. – А, вижу. Ты сел почти на перископ.

Голос призрака – не призрака, земли – был звонким и мальчишеским.

– Уйди. Изыди! Кыш!

– Я не могу уйти. Я здесь живу.

– Тогда не ешь меня, – мольба вышла жалкой.

Горячие позорные слёзы побежали ручейками по щекам. Рыжий выдумал чушь, колюче-обидную глупость: подобный страх – беспомощный, и от него не мочатся в штаны, а просто по-детски ревут. Хотелось свернуться клубочком и выть.

– Ну, что ты... Не надо! – голос заволновался.

Слова долетали, как сквозь пелену.

– ... не ем, не злой, не страшный, и вообще я маленький! Я тоже ребёнок, представь? Но я... ох, – зазвучало отчаяние, – я не могу к тебе выйти. Я не могу наверх, наружу. А ты пришёл сюда. Какой ты смелый.

Слёзы разом иссякли.

Горелая кора испачкала рубашку и штаны. Потрясение ещё оставалось – холодом по хребту и мурашками, каменным комком в груди. Храбрец в чужих глазах, обычный трус на деле поднял голову. Сел, поджав ноги, как будто голос мог, прорвав опалённую землю, схватить, и растерянно замер.

– Всё хорошо, – сказал голос. И погрустнел. – Но не для меня.

– Почему? – говорить в обозримую пустоту было странным. – Почему ты сидишь под землёй? Ты человек?

– Наверное, – голос ответил только на половину вопроса. – Должно быть, человек. Предки были людьми, и я, значит, тоже.

– Мои предки жили у кривой земли, – сразу вспомнилось. – Но случилась трагедия. Что-то изменило лес, отчего

жить в нём и рядом стало невозможным.

– Да, – голос выдохнул. – Это был мой дом. Свалился с неба.

– Но дома не летают!

– Смотря какие, – голос вдруг запнулся и стал суетливым, напуганным. – Ну, нет... Они снова идут! Мне нельзя говорить. Поймают – отругают. Но ты подожди, пожалуйста! – он затих, исказился и опять зазвучал очень близко. – Пожалуйста, приди! Приди завтра! Я ещё не общался с человеком из верхнего мира. Я, – тоска резанула, – я так мечтал об этом. Меня зовут Дэн.

– Айвар. Лучше – Айви. Дэн, значит... Эй, Дэн?

Кривая земля исходила туманом. Молчала.

Звонящий заморозок тронул серебром речные травы. На самой заре охотники уже были там: утки готовились встать на крыло и покинуть реку, потому что приближались холода. Солнце по-прежнему ярко светило, но воздух стал другим. Пронзительным и строгим. Айви старался изобразить его Дэну. Получалось не очень.

– Свежий и жёсткий. Уже без тепла.

– А у меня тут – сухой. И пахнет железом.

– Хотел бы я, чтобы ты вдохнул воздух по-настоящему.

– Не надо, – Дэн испугался. – Я умру от этого.

– Прости, пожалуйста. Я забываю, что тебе нельзя.

– Я тоже, Айви. Смотрю на лес и очень хочу выйти. Руб-

ку-шестнадцать засыпало, кстати.

– Сколько у вас комнат осталось?

– Триста тридцать одна.

Дэн зашумел, задрожал и вернулся. Айви привык – «помехи».

– Мона ругала Джексона. Снова. Она считает, что он делает из грибов самокрутки. Джексон, конечно, вечно шарится по тепличному комплексу, но не ради вёшенок – он не любит их. Мона глуповата и не видит, что сын там гуляет с девочкой.

– Девчонки, – Айви фыркнул. – Какой от них толк? Они дуры!

– Джексон полагает по-другому. Может быть, он сам дурак.

– Может.

Дэн рассмеялся.

– Услышит – убьёт.

– А мы ему это не скажем.

– Ладно... Ещё что? Библиотечные поднимают вопрос о продлении дня. Им неудобно при аварийном освещении. Лишняя нагрузка на генераторы – плохо, и вряд ли Совет согласится, но библиотечные – не только летописцы и те, кто бегают от жизни в выдумки. Ещё учёные. Я говорил про костюм? Так вот, они постоянно работают, чтобы сделать новые фильтры.

– Учёные – упорные, – Айви сказал уважительно.

– Но только я волнуюсь.

Айви завозился на брёвнах и обхватил себя руками. Туман был редким, однако влажный воздух леденил. Говорить не хотелось, но Айви сделал это честно, как Дэн просил его:

– Я ездил с горшечниками. Нет, мне жаль, Дэнни – у озера нет ваших. Я бегал по дворам и смотрел. Ещё спросил у местных тёток и у столяра. Смотрели на меня, как на тронутого. Люди в костюмах не приходили туда.

– Фильтры не помогают. И не помогут от этого воздуха. Даль тоже умрёт.

– Дэн, подожди. Есть ещё город! Не знаю, что придётся врать отцу и как туда отпрашиваться, с кем ехать на телеге... Я просто сбегу.

Дикие звери. Шесть дней пути. Скорее, все восемь: могут начаться дожди, и дороги размочит. Дэн подозрительно хлюпнул. Наверное, он мысленно прощался с дядей.

– Дэнни, позволь мне помочь. Не надо раньше времени сдаваться! А если бы было возможным ещё и рассказать всем...

– Нет! – Дэн хрипло отозвался. С ужасом. – Не вздумай!

Тишина была тяжёлой, неживой. Айви всё же закончил:

– Или мне спуститься к тебе.

Дэн, кажется, там, в своей рубке, в страхе мотал головой.

Железная птица зарылась в толщу земли, как куропатки зарываются в снег. Айви не ощущал её ногами, потому что

не знал, как она выглядит. Не очень понимал, что это. Он мог вообразить себе норы в железе, потому что в норах, обычных, в лугах, обитали кролики и мыши. И представить подземных людей, как зверей. Тогда уж они были кротами – но даже кроты иногда выползают и не погибают при этом.

– Так уж случилось однажды, Айви.

Кривая земля застыла. Порылась тонким слоем белого, и надо было быть осторожным, шагая: под хрустящим льдом луж скрывалась тёмная вода. Поднимались ли люди в костюмах зимой? Они могли, не зная мёртвого леса, случайно оступиться и...

– Я принёс, кстати. Стащил.

– А если хватятся?

– Это просто копия. Их ещё несколько, но верно: кристалл разрешают смотреть только в библиотеке. Чтобы никто не растаскивал фильмы и не терял. Но мы посмотрим, и я верну на место.

– Посмотришь ты. Эх...

– Я буду тебе рассказывать.

Посыпалась маленькая, совсем невесомая крупка. Дэн откашлялся.

– Пространство, через которое летит наш корабль – чёрное. Сам корабль – большой и округлый. В нём много комнат, а в комнатах людей. Пространство – космос, а люди – туристы, и это означает, что они просто смотрят по сторонам из окон и выглядят очень восторженными. Корабль ле-

тит мимо огненных шаров и шариков из камня или газа. Первые – солнца, как то, которое ты можешь видеть, а вторые – планеты. На планетах иногда людям можно жить. Если там есть воздух и вода, и если они не ядовитые для человека по составу, и если маленькие существа, живущие в воде и воздухе, не причиняют человеку вред – не говоря о больших, которые с когтями и зубами. Корабль летит. Он железный, тяжёлый, но может прыгать из одного участка пространства в другое – так придумали учёные, но не наши, которые учатся в библиотеке, а другие, умнее. Он прыгает – р-раз! Туристы смотрят на шары-планеты. Шары красные, белые, рыжие, на них завихрения и ураганы. Корабль прыгает – два! Три ярко-синих солнца. Прыгает – три! Чья-то ошибка. Корабль попадает не туда, куда надо было, и вокруг него – летящие обломки. Куски камней, как будто шар-планету разбили, но я тут вижу, что написано: «поток астероидов». Большой обломок бьёт по кораблю и повреждает его. Корабль начинает падать. За камнями видна голубая планета. Корабль падает... пронзает оболочку планеты, стремится вниз, к туману, из которого выступает зелёное... летит, пытаясь выровняться, но падает, и быстро. Земля расплескивается... она мягкая, водянистая, она затягивает, поглощает... тьма. Слабый алый свет аварийных ламп. Конец.

Айви замёрз, но не двигался с места. После взбучки, полученной за неудачный побег в город, рубцы от хворостины ещё не сошли, и найти удобную для сидения позу было

непросто.

– Ужас, – наконец сказал он.

– Ничего хорошего, – согласился приятель.

– Здешний воздух оказался для выживших предков отравой.

– Как они это поняли сразу?

– Приборы сказали.

– Приборы привели корабль в камни, – заметил Айви.

Дэн не ответил. Задумался.

Айви тоже подумал. Не о приборах – о глупых девчонках. Одна из них, Лиза, соседка, всю неделю странно пялилась на него и хихикала. Волосы, как цветок одуванчика, косящие глаза. Страшила! Ей бы пугалом быть на бабкиных грядках – гонять воробьёв и ворон. На штанах у Айви дырка, что ли – он здорово весь извертелся, но так и не сумел понять, в чём причина его смешного вида. К слову, о воронах: в одну из них он запустил очень метко вчера сгнившей картофелиной, и Рыжий это видел.

– Джексон женится. Мона орёт. Глупо: Джексон взрослый, раз его взяли работать на генераторах. Он носит нарукавную повязку с молнией и стал очень важный.

– Гроза была три дня назад, – невпопад сказал Айви. – И молнии. Первые этой весной. Красиво.

– У Франчески живот, как половина меня. Представляешь, Айви, это уже шестой ребёнок! Лига чистого бассейна

снова ссорится с тепличниками. Вода нужна и тем, и тем, но любой, даже трёхлетка, знает, что еда важнее возможности плавать. Не был бы зал, который называют «конференц», засыпан, теплицы развернули бы и там, забрав всю свободную воду, и бассейным не выпало бы даже одного дня плавания в неделю. Сейчас их три. Ну, не обнаглели ли жадничать?

– Пх! Это верно...

– Скоро будет инструментальный концерт. Сёстры Ольсен утверждают, что в нежилых коридорах на Юге летает привидение. Оно якобы воет там и швыряет в стену ящики, но я-то знаю, что это банда Йоко и Сэма. С недавних пор они называют себя «Силой злых» и рисуют на лицах полосы. Вздумали брать дань с малышни, ты представь, но Даль им накостылял, и «злые» вроде как присмирели. Да... Даль, Колин и Надя собираются выйти наружу. Учёные сделали фильтры.

– О, – ответил Айви.

Дэн обречённо вздохнул.

– Даль говорит, что старый и не боится, но он воспитывал меня после того, как мама и папа погибли при взрыве в бывших мастерских. Он – угрюмый, конечно, и не особо общительный, но я его люблю, и мне страшно. Никто из ушедших не возвращался. Никто не приходил к верхним людям! Куда же они делись, Айви? Куда?

– Я не знаю. Я, – Айви сглотнул, – я рассматривал лес. Я лазил по завалам, Дэн, и даже тыкал ветками в ямы. Ту-

да, где вода. Я думал, что, может... Я не нашёл. Ну, мёртвых... тел...

– Спасибо, – было непонятно, за что благодарность: за то, что Айви не видел погибших, или за то, что искал.

– И всё же жаль, – сказал Дэнну Айви. – Жаль, что мне нельзя помочь тебе и им. Что мне нельзя их встретить и привести в деревню. Я этого не понимаю, если честно, Дэнни. Всё потому, что я для вас заразный?

– Ты... ох, – беспомощно ответил тот.

– Это был бунт. Не очень-то и неожиданно. Сторонники Замкнутости консерваторы жуткие – а, как по мне, просто трусы. Но такого не случилось ещё, Айви, никогда – чтобы смещали Совет. Странно, но я и рад, и напуган. Даль не ушёл, но у нас теперь всё стало строже. День снова короткий. И в рубки нельзя.

– Стой... в рубки нельзя? А ты теперь как?

– У меня есть папин ключ. Карта к двери. А-а... я ловкий, проскочу незаметно. Но так не смогут учёные. Наш новый Совет... делает непривычные вещи. Он забрал у учёных их книги. И фильмы тоже пропали. Не все, но тот, который мы с тобой смотрели, например. Фильмы, книги – это вещи общие. Библиотечные собираются протестовать. Знаю я их протесты – плакаты и транспаранты по стенам, несерьёзно, в общем. Но всё же.

– Нехорошо, – сразу вспомнилось отцовское слово, – са-

модурство какое-то.

– Кто-то у вас делает так же?

– Нет. Я никогда не видел. Старейшин все слушаются, даже охотники. Даже отец.

– А если старейшины поступают неправильно?

– Не знаю. Кто определит? Их много, и они всегда всё обсуждают вместе – даже спорят, случается...

– Новый Совет – тоже много людей. Они твердят, что наши проблемы – из-за неверного восприятия мира. Но мир – не только коридоры, а ещё и лес, и то, что ты мне рассказал! Наш мир – и ты! И все твои деревенские. Мы просто не можем быть замкнутыми.

– Я слышу тебя, – Айви очень хотел подбодрить. – Ты буд-то рядом со мной. Ты – живой. Ты не закопанный наглухо, Дэнни. И другие тоже.

– Если бы я только мог дышать верхним воздухом, – сказал Дэн тоскливо.

– Учёные придумают что-нибудь. Не кисни, ну, пожалуйста! ста!

– Новый Совет не позволит.

– Тогда они его так же сместят.

– Смещают ли в деревне старейшин?

– О, – ответил Айви. – Нет. Но это другое. Старейшины – старые. Их забирает смерть.

Дэн вздохнул.

– Этого нам ждать очень долго.

– Охотники, – сказал ему Айви, – загоняют оленей толпой.

– Мне кажется, у нас так не умеют – объединяться и басейным, и тепличникам.

– А мне вот кажется, что вам – надо пробовать.

– Такого не бывало ещё, – Дэн повторил деловито, – чтобы все-все-все поднимались и гнали кого-то сплочённо. Во всяком случае, не слышал... Но я скажу Дально. Он взрослый. Он умный и обсудит с учёными. Он... он пришёл, вроде бы. Эй, Даль! – голос Дэна смазался и съехал. – Это ты? Я тут, тут... Эй! Эй, что вы?! Что... Отстаньте! Не надо!

Сбилось, зашипело помехами: в рубке глубоко под землей шумели, боролись и падали.

– Дэн! – Айви заорал и заметался по брёвнам. Летнее солнце палило сквозь чахлый туман. – Дэн! Отпустите его! Отпустите!

А потом, когда далёкая возня затихла, появилось чувство, что Айви рассматривают.

2.

На двери ещё виднелись цифры: «семьсот семьдесят два». Номер пассажирской каюты, ничего о ней не говоривший. Багровый аварийный свет горел очень тускло. У порога каюты раскинулась тёмная лужа, подёрнутая масляной пленкой, и Дэн, перешагнув её, качнул дверь вбок. Механизм не препятствовал – не работал. Вонь палёной трухи – высушенные грибы – хлестнула, заставляя поморщиться. Сидящий на ка-

рачках Сэм поднял голову. Глаза у него были налитые кровью и злые.

– Припёрся, – сказала сбоку Йоко.

Одна из Ольсен выставила ногу, обтянутую драным чулком, и хихикнула. Другая малевала губы, не отрывая взгляд от зеркала. Зеркало не помогало: Ольсен-вторая заехала за контур, отчего напоминала коридорную жертву ограбления. «Мерзкие», – подумал Дэн.

– Давай сюда, – буркнул Сэм.

Дэн положил на покосившийся стол прямоугольный футляр. Шесть ампул. Он рисковал здорово. Сэм, дёрнув носом, задумчиво хмыкнул. Порывшись в карманах, главарь достал карточку и лениво припечатал её рядом.

– Она не моя, – упавшим голосом ответил Дэн.

Йоко сплюнула.

– Вот горе-то – впору на пол упасть и расплакаться. Ты карту просил? Забирай и выкатывайся.

– Ну что ты, полосочка, – нежно сказала Ольсен с накрашенным ртом-раной. – Парнями разбрасываешься.

Ольсен Дранный Чулок рассмеялась.

Она – или вторая, поди различи их, близняшек – вчера смеялась так же. Низким, похотливым липким смехом, когда сразу трое воняющих, грязных работяг с очистной зажимали Ольсен в закутке за задранным конференц-залом. Дэн успел увидеть мало: голые потные спины мужчин с корявыми буграми мускулов, белобрысую, запрокинутую к сте-

не голову. Он удрал раньше, чем кто-либо мог его заметить, и долго ещё ощущал омерзение. Культисты Замкнутости вешали учёных, которые стремились вытащить людей из мрака к свету – а люди превратились... в это.

Сэм грубо шлёпнул Чулок по ляжке.

– Тут всё моё. Заткнитесь, дуры.

«Общественное» – Дэн не сказал это вслух.

– Катись, – вновь повторила Йоко.

Чужая карточка царапала ладонь. Дэн не решался взглянуть на неё до поворота, но потом, пересилив себя, посмотрел и вздохнул. Потёртая, с трещиной, незнакомая карточка – не его, не Даля. Должно быть, она неактивна, и всё было впустую. Воровство. И отложенное, по сути, убийство. Дэн не знал, кто теперь из-за него погибнет. Хорошо бы, только он сам.

Под тремя широкими полосками границы, нарисованными на заляпанных стенных панелях, Дэн присел на ящик. Он снял правый ботинок и достал из-за пояса нож, который незаметно позаимствовал в столовой. Сделав глубокий разрез на резиновой жёсткой подошве, Дэн затолкал туда карту и, сунув руку в ботинок, проверил, не помнётся ли спрятанное. Он заметил, что шток у носа расходится. Надо чинить, пока снова не образовалась дыра.

Ботинки Даля – велики, зато целые – Дэн берёт для побега.

Еле слышные звуки заставили Дэна встряхнуться. За-

унывное пение, эхом летящее через изгибы коридоров, с большого расстояния казалось тоскливыми обрывками плача. Звуки лгали. Дэн обулся и стал. Он втянул в себя сырую затхлость Юга и пошёл вперёд, всё ускоряя шаг. На плечи и волосы ему иногда падали склизкие капли.

– Нет, нет, – твердила Мона. – Нет, Никушка. Ты девочка. Тебе нельзя смотреть на наказание.

– Но я хочу! – внучка Моны ревела.

Бассейные волокли пластмассовый лежак и переругивались. Галдящий выводок Франчески вжал Дэна в стену, и он терпеливо стоял, пропуская, пока последний малыш, ещё нетвёрдо ковыляющий, но уже обёрнутый в чёрно-красный флаг Замкнутости, не просеменил по вытертым плитам. Тепличников оторвали от работы, и они – грязные халаты распахнуты, на руках перчатки – прошествовали мимо, мазнув терпким запахом зелени. Колин, увидев Дэна, отвернулся. Дэн посмотрел ему вслед, уже давно не чувствуя ни злости, ни презрения. Колин лысел. От шеи вниз за ворот у него сбегали старческие пятна. Колин выращивал латук и помидоры. Это получалось у него хорошо. А вот учёный не вышел – да и просто друг тем, кто когда-то считал его другом.

– Я бы подумала, что ты тут ждёшь меня, – сказала из-за спины Дэну Вера. – Но ты не ждёшь, Дэн. Ты опаздываешь.

– Я... – он быстро и смущённо обернулся.

– Не это плохо. Твоя спина выражает, и я уже не говорю

про лицо. Дэн...

«Следующим можешь стать ты», – Дэн сразу понял.

Перспектив замкнутости мутно зеркалил. Отражал их, но частично согнутых, частично растянутых – слабость разума, подверженного искушениям, говорили псалмы. Тёмные желания: знать запретное, идти туда, где обитает дьявол. Распутство человеческих мыслей. Дэн снова вспомнил Ольсен и рабочих. Замкнутости до них дела не было. Сношайтесь и плодитесь – на здоровье. Только не мечтайте о поверхности. Вера фыркнула. Ей всё ещё что-то не нравилось. Дэн поддразнил её, потому что не хотел продолжать эту тему:

– Грядки соскучились.

– Я же сказала тебе, что пойду на кухню, а не к грядкам.

– Да нет, – получилось глупо. – Не то! Салат. Горошек.

Тыквы. Ночные прогулки.

– Свидание? – Вера весело прыснула. – Ну ты дурак!

– Почему? – Дэн обиделся.

– Ты мне не говорил, – Вера стала серьёзной, – не говорил ни разу. Что я тебе нравлюсь.

– Мы точно опоздаем, – Дэн отвёл глаза. – Пойдём.

В зале замкнутости горел ярко свет. Люди рассаживались на скамейках и стульях. Многие принесли с собой флаги, а кто-то взял галеты и уже хрустел, предвкушая интересное зрелище. На помосте по центру высился столб – сваренная из стали конструкция. И столы, и стеллажи давно убрали, но сеть в стенах, должно быть, осталась: Дэн, да и все здесь,

кто старше тринадцати, наверняка ещё помнили. Сеть породила проекции. В стеллажах хранились маленькие кристаллы-носители. За столами печатали, лоя пальцами парящие в воздухе буквы, летописцы-историки, читали скользящие строки мечтатели, работали учёные, чьи имена, стремления и жизни Замкнутость объявила враждебным. Понятие библиотеки исчезло.

– Приветствую, братья и сёстры, – Кнут раскинул руки в жесте объятия.

Зал громко захлопал. Бассейные подскакивали на своём лежаке и орали что-то нечленораздельно-восторженное. Мона прижала толстые пальцы к груди и торопливо кивала. Дети свистели и топали. Резко и мгновенно обрывая весь шум, Кнут опустил руки и улыбнулся. Улыбка была безмятежной, блаженной. И хищной.

– Сегодня мы снова радуемся.

Сергей стоял прямо. Он не глядел на столб и на культиваторов, совершенно, кажется, равнодушный к позору, который его ожидал. Острые черты лица были такими похожими. Дэн моргнул и увидел на миг вместо парня-подростка молодую энергичную женщину, которой, как и Даля, больше не существовало. Теряющий волосы затылок Колина не отражал ничего. Но плечи под тканью халата немного напряглись. Или нет.

– Мы счастливы своим избранием. Мы обитаем в месте, закрытом от скверны, храним и преумножаем дары его. Мы

чтим великое учение Замкнутости. Соблазны и грязь, дурной воздух поверхности не проникают в наш дом, – Кнут сделал печальную паузу, – но проникают нам в голову. Что следует делать, когда мысли нечистые?

– Молиться! – зал зашелестел.

– Когда нечистые поступки?

– Следует страдать!

– Когда, – культисты зашуршали складками широких балахонов, – когда один из нас разносит грешные идеи, когда смущает детские умы лживой догмой, когда прячет книгу...

Что тогда?

– Столб!

Сергей поморщился. Отвращение легло на острое лицо, и тишина стала мёртвой. Сергей не боялся. «Плохой фарс, никчёмный», – читалось. Хлоя подошла к нему сзади. Сергей внятно произнёс: «Идиоты». Но он не препятствовал, когда Кнут, вновь ставший улыбочиво-мирным, приобнял его и подвёл к столбу.

– Однако не преступник – лишь заблудший. Пусть наказание страданием очистит его разум.

– У тебя воняет изо рта, – сказал ему Сергей.

Уговорившая бабушку пустить её в зал Ника хихикнула. Ахнувшая Мона отвесила ей подзатыльник. Внучка взвизгнула и заплакала. Дэн тупо слушал шипение женщин и гневное мужское бормотание, пока Хлоя и Кнут привязывали к столбу наказанного. Сергей прижался к металлу щекой.

Глаза он не закрыл. Дэн подумал, что не сможет это – смотреть. Окажись он у столба, – возможно, скоро – обязательно зажмурится. Ему хотелось и не хотелось повернуть сейчас голову и увидеть, как реагирует Вера. Она молчала. Не хлопала, не скандировала. Не возмущалась сергеевой непочтительностью. Только медленно и глубоко дышала. Вера точно не пойдёт с ним в теплицы гулять, если Дэна привяжут к столбу. Вере будет стыдно.

Кнут взял тонкий трос.

– Помолись, чтобы очиститься, друг, – он широко замахнулся.

– Ты мне не друг. Вы все.

Трос рассёк воздух бывшей библиотеки со свистом. Сергей вздрогнул. Он вздрогнул раз, другой, третий, не издавая ни стоана, потом снова и снова. Футболка ветхая, думал Дэн. Но алое отстирывается, а дырки – заштопываются. Он мысленно покатал слово «футболка», как мяч, потому что оно означало игру в тот самый мяч на красивом, огромном, сплошь зелёном поле. Под наружным солнцем. «Гнилая кровь», – сказала сбоку Мона. Сидящие рядом горячо поддерживали её. Небритый Джексон мрачно хмурился.

Глаза брата Нади – упрямые, светлые, набрякшие влагой от боли – смотрели прямо на Дэна.

Дэн осознал вдруг, что кухари все идентичны руками. Машины предков жарят, варят, парят, сушат, но кухари чистят

еду, режут, формируют и накладывают. У них бледно-белые руки от частого мытья водой и коротко, под корень стриженные ногти. Красные и тёмные отметины – шрамы от порезов, ожоги. Определённые брезгливые повадки: не касаться в повседневной жизни грязного – нестиранной одежды, липкой вещи, человека, который вспотел и не мылся. Скоро Вера тоже станет подобной. Хорошо, что Дэн работает не на очистной. Возможно, у них что-то сладится.

В столовой Вера сидела напротив Сергея.

Наказанный должен был стать, пока время не пройдёт, изгоем. Есть в одиночестве и так же проводить досуг. В коридорах, на работе с ним не разговаривали. И не лечили в лазарете. Сергей был в бригаде у Джексона – Дэн вспомнил хмулость и понял причину: работник, которого побили в наказание, болеет и работает плохо. Сергей, однако, не казался особо больным. Он отстранённо ел фасоль с капустой и лишь единожды скривился, когда повёл плечом не так, и раны засаднили. Футболка на нём была новая. Дэн с удивлением узнал свою из запасных: эту, тёмно-зелёную, ему когда-то отдал Даль, а Дэн её спрятал и долго хранил, чтобы потом подарить без особого повода Вере. Слишком большая для девушки, футболка, тем не менее, могла бы стать ночной рубашкой, и эта мысль долго грела Дэна: Вера спит, надев тёмно-зелёное, и Дэн через футболку как будто обнимает её. Вера что-то говорила Сергею. Тот периодически кивал. Вера нарушила правила, и Дэн разозлился. Он просто боялся, что

кто-то из культистов увидит. Или что им донесут. Но не ревновал, конечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.